УДК 94(470) «17»

К.С. Диянов

ПРОБЛЕМА АВТОРИТЕТА В ОТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И ПОДДАННЫХ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В. (НА ПРИМЕРЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ ПОЛЕМИКИ «О ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИИ СВЯТЫХ ДАРОВ»)

Рассматриваются особенности идейных и политических коллизий, связанных с проблемой авторитета в отношениях власти и подданных в русском обществе последней четверти XVII в. На примере греко-латинской полемики о пресуществлении исследуется влияние позиций, занятых лидерами латинствующих и грекофилов (Сильвестром Медведевым и патриархом Иоакимом) по вопросу о подчинении вышестоящему авторитету, на ход и итоги идейного противостояния двух придворных группировок.

Ключевые слова: *авторитет, власть, религиозная полемика, грекофилы, латинствующие.*

Греко-латинофильская полемика «о пресуществлении святых даров» является значимым событием общественно-политической жизни российского общества последней четверти XVII в. Помимо собственно церковно-богословских атрибуций, в религиозном споре о пресуществлении нашли отражение более широкие и сложные идейные и ментальные феномены – в какой-то степени он явился своеобразным полемическим выражением противоречий, обуревавших русское общество того времени. Значимым фактором многих идейных коллизий, имевших место в указанный период, была проблема взаимоотношений власти и подданных, связанная со стремлением церковной и светской властей укрепиться в духовном «пастырстве» над народными массами, позиции которого серьезно расшатывались как растущим идейным брожением низов (находящихся под влиянием старообрядчества), так и непрекращающейся борьбой за власть в верхах русского общества (особенно обострившейся в период регентства царевны Софьи).

Не обошли стороной указанные явления и греко-латинскую полемику о пресуществлении. Выводы современных исследователей о том, что непримиримое противоборство грекофилов и латинствующих было обусловлено мотивами отнюдь не только богословского, но и политического характера,[1] позволяют предположить, что в основе данного противостояния лежали остро актуальные вопросы, волновавшие духовную и политическую элиту русского общества, к которым можно отнести и проблему легитимности и авторитета власти в глазах подданных. В данной плоскости, на наш взгляд, следует рассматривать взаимоотношения двух представителей грекофильской и латинофильской партий: православного владыки патриарха Иоакима и придворного литератора, писателя и поэта Сильвестра Медведева. Конфликт между ними являет нам яркий пример нарушения баланса отношений властвующего иерарха со своим подчиненным, отпадение которого от власти первосвятителя имело, в итоге, серьезное значение как для судьбы самого латинствующего писателя, так и для разрешения всего греко-латинского идейного противостояния.

Заметим, что для Сильвестра Медведева, как и для многих других членов придворной «писательской общины», вопрос подчинения авторитету светских и духовных властителей являлся важнейшим фактором его творческой и общественной деятельности при дворе. В этой связи, будучи искусным «виршеслагателем», Сильвестр пользовался заслуженным покровительством как представителей родовой аристократии (например, князей Г.Г. и М.Г. Ромодановских, которых Медведев в своих письмах именовал своими «милостивыми и истинными благодетелями») [2. С. 13–14], так и самих государей (царя Федора Алексеевича, а после его смерти и царевны Софьи Алексеевны), восхваляя «благодетели и достоинства» монарших особ в своих поздравительных «рацеях» [3. С. 219]. Более того, Сильвестр сумел заручиться расположением властей духовных, и, в частности, самого патриарха Иоакима, оценившего «книжные» таланты Медведева во время его деятельности на патриаршем Печатном дворе[2]. Во всех случаях беспрекословное признание и подчинение

[1] Так, по мнению И.Л. Курукиной, вопрос о евхаристическом каноне мог быть поднят и подвергся тщательному рассмотрению лишь при достаточном количестве глубоких политических причин [1. С. 152].

[2] Здесь Медведев быстро сделал неплохую карьеру – так, в 1678 г. Сильвестр, минуя должности «чтеца» и «писца», сразу стал справщиком, а уже через год – старшим справщиком [4. С. 87].

Сильвестра вышестоящему авторитету (нашедшее отражение в творчестве придворного «пиита») были обязательным условием его успешных взаимоотношений со своим светским или духовным окружением.

Вместе с тем с началом полемики о пресуществлении именно в вопросах, затрагивающих тему патриаршего «авторитета», Медведев не проявил той необходимой осмотрительности и осторожности, которая отличала его позицию по отношению к представителям светской власти. При этом видимые идейные расхождения (участие Сильвестра в полемике в качестве главного защитника «неправославного», латинского мнения о времени пресуществления святых даров) не рассматривались ни патриархом, ни самим латинствующим писателем как нарушение утвердившегося баланса их взаимоотношений – так, Иоаким долгое время не предпринимал каких-либо мер дисциплинарного или политического воздействия на своего подопечного, не выказывая и особенного желания участвовать в литературных «прениях» с латинствующими. Это вполне объясняется тем обстоятельством, что на начальных своих стадиях (1685–1686 гг.) полемика латинствующих и грекофилов, более походившая на богословский спор «ученых эрудитов», не представляла собой угрозы «архипастырскому» авторитету патриарха, как и не вносила серьезный разлад в жизнь русской православной церкви. Напротив, как только (1687–1688 гг.) латинствующими полемистами, и в особенности Сильвестром Медведевым, стало активно использоваться обращение к народным массам, зазвучали призывы не слушать доводы «Христова слова всемогущества противницей», встал вопрос о вмешательстве в полемику православного первоиерарха, в глазах которого, по словам советского исследователя А.П. Богданова, Сильвестр совершал злодеяние – выступал против слепого подчинения мирян авторитету церковнослужителей [5. С. 214].

Важным «попущением» Медведева в религиозном споре с грекофилами было пренебрежение мнением и позицией своего «архипастыря» – патриарха Иоакима, который должен был, согласно своему статусу и положению, выступать арбитром в духовных конфликтах религиозного характера. В то же время Сильвестр не преминул воспользоваться поддержкой властей светских (например, царевны Софьи, которой адресовалось посвящение в «Книге о Манне хлеба животного»), а также опереться на видных представителей малороссийского духовенства, чье мнение по вопросу о пресуществлении совпадало с позицией, отстаиваемой московскими латинствующими. Последнее было особенно чувствительно для патриарха Иоакима, учитывая его старания в деле подчинения малороссийской церкви своей власти – ведь апелляция Медведева к «пролатинской» позиции малороссийских церковных иерархов вполне могла поставить русскую церковь на грань нового и сильного раскола [6. С. 320].

Кроме того, Сильвестр в ходе полемики не упустил возможности упрекнуть и сами московские церковные власти в «непостоянстве» («людем закон прописуют и не творящих того клятвами страшными связуют, а сами того творити не хощут»), высказывал латинствующий писатель серьезные обвинения и в адрес самого патриарха Иоакима, который «то свое и с клятвами страшное соборное постановление (Большого собора 1666–1667 гг., запрещающее впредь любые исправления в церковных книгах. – *К.Д.*) презрев… и новоправленный устав и собором утвержденный повеле паки вновь исправити» [7. С. 24, 31]. Всего этого, не считая выпадов Сильвестра в адрес покровительствуемых патриархом грекофилов – Евфимия Чудовского и братьев Лихудов, было вполне достаточно, чтобы заставить Иоакима предпринять решительные меры для «успокоения» латинствующего полемиста.

Заметим, что действовал патриарх Иоаким весьма решительно – как в отношении самого Сильвестра, так и касательно поддерживавших его лиц были использованы все возможные средства воздействия: от увещеваний и призывов подчиниться патриаршей воле, до прямых угроз расправы и церковного суда. В связи с этим патриарх Иоаким не замедлил организовать активную переписку с малороссами, настойчиво убеждая их принять «грекофильское» мнение, а при стойкости последних в своем «заблуждении» был вынужден даже вступить с ними в своеобразные богословские прения по вопросу о пресуществлении [8. С. 21–69]. При этом Иоаким не остановился и перед мерами «дисциплинарного» воздействия: например, влияния на малороссов со стороны восточной церкви, когда через бывшего константинопольского патриарха Дионисия (за соответствующую плату и по присланным из Москвы текстам «соборных грамот») планировалось «писать и запрещать малороссам тяжко…чтобы не имели в презрении духовную власть». Кроме того, в адрес малороссийского духовенства зазвучали угрозы церковного осуждения и запрета священнодействовать, что, в совокупности всех предпринятых патриархом мер, и вынудило малороссов подчиниться Иоакиму – как писал по этому поводу дореволюционный историк А.В. Карташев, «хотя и

не вдруг, но все иерархи Южной России мудро смирились и ответили в духе греческого толкования» [9. С. 257].

Сложнее обстояло дело с самим Сильвестром Медведевым, которого от неминуемых теперь патриарших репрессий спасало покровительство со стороны светских властителей: царевны Софьи Алексеевны, князя В.В. Голицына и главы стрелецкого приказа Ф. Шакловитого. В итоге только «политическая катастрофа», постигшая правительство Софьи и весь клан Милославских во время «нарышкинского» переворота в августе 1689 г., а также последовавший за этим арест Медведева, позволили Иоакиму расправиться со своим главным идейным и политическим оппонентом. При этом гневные обличения и выпады патриарха в отношении Сильвестра, имевшие место до указанных событий, весьма серьезно повлияли на характер обвинений, предъявляемых Медведеву на допросах по «делу Шакловитого». В своих «расспросных речах», помимо ответов на обязательные вопросы, касающихся посягательств на «государское здоровье» и связей с «Федкой Шакловитым», Сильвестру пришлось объясняться по многим обвинительным пунктам, которые могли инкриминироваться ему только патриархом Иоакимом. Таковыми, например, были обвинения в «смущении церкви» полемическими сочинениями («а о церкве он Селиверско сказал: «Церкви де святой никаким смущением он не смущал…на святейшаго патриарха умысла никакого у него не бывало»), клевете и «непригожих» речах в адрес патриарха («а о церкви де Божии он, Селиврестко, говорил многажды: напрасно де смутили душу св. патриарха, приехав, греки «а он де святейший человек бодрой и доброй; а учился мало и речей богословских не знает») [10. С. 39, 43].

В «расспросных речах» Сильвестр указывал на серьезный разлад, существовавший между ним и Иоакимом («а к св. патриарху он не прихаживал и как патриарх был в ходах, он не выхаживал, боясь его»), ввиду чего понадобилась даже стрелецкая охрана, защищавшая Медведева от патриаршего гнева («стрелцов попеременно ставили, толк де приказывали караулить, как де придут от св. патриарха») [10. С. 54, 61]. Со слов Медведева становится ясно, что патриарх Иоаким предпринимал все возможные меры для приведения к покорности «заблудшего» монаха, не гнушаясь распространением слухов о связях Сильвестра с раскольниками («изволила де в.г. ему объявить, бутто он писал писма на Дон о возмущении, о том де приходил к ней и доносил святейший патриарх») или о готовящемся им покушении на жизнь патриарха («а Селиверстко на очной ставке, в том, что убить святейшаго патриарха, запирался ж, а сказал, что таких слов не говаривал») [10. С. 40, 41]. При этом, однако, даже под страшными пытками Медведев не нашел за собой вины ни в одном из приписывающихся ему «злодеяний» – несмотря на пристрастное следствие, никто из следователей не мог доказать серьезной вины за ним.

В то же время Иоаким сделал все возможное, чтобы окончательно утвердить свою победу над латинствующими – с этой целью было подготовлено несколько важных документов, посвященных итогам спора о пресуществлении и долженствующих быть рассмотренными на специально созванном для этого в 1690 г. церковном соборе. Иерархическая «узость» созванного собора («преосвященныя архиереи и всего царствующаго града Москвы весь священный чин, архимандриты, игумены…иереи и дьяконы от всех церквей»), по выражению В. Нечаева, «подтасованного в кельях Иоакима» [11. С. 102], нисколько не смущала патриарха, намеревавшегося, прежде всего, привести к покорности и покаянию «отпавших» от православной церкви полемистов. Центральное место в работе собора должно было занять рассмотрение «покаянного исповедания» Сильвестра Медведева (по мнению исследователей, вряд ли написанного им самим), в лице которого предполагалось не только предать проклятию «хлебопоклонную ересь», но и осудить саму практику нарушения архиерейского послушания: «Такоже приношу покаяние и прошу прощения и разрешения...моего пастыря и отца святейшего кир Иоакима московскаго, всероссийскаго патриарха, понеже клеветах и называх его досадными укорными умены пред многими человеки…яко и прочии архиереи называх аз неискусными и неученными» [8. С. 91]. По-видимому, вопрос о сохранении патриаршего авторитета волновал Иоакима намного больше, чем борьба с «хлебопоклонничеством»: созванный им собор так и не выработал единой канонической позиции касательно таинства евхаристии, то есть не решил в корне проблему бытования «латинского» мнения на этот счет.

Подобные задачи, вероятно, и не входили в сферу изначально «узкой» компетенции собора, который, по мнению дореволюционных авторов, имел исключительно дисциплинирующее значение, а спорный вопрос о времени пресуществления был решен лишь посредством неодобрения и осуждения образа мыслей латинствующих и их произведений [12. С. 249]. Так, собор 1690 г. не замедлил принять постановление, касающееся судьбы самого Сильвестра Медведева и его поле-

мических сочинений. Последние (содержащие «хулы и противности вся на святую церковь») предписывалось «анафемствовавше…народно сожещи», а их автора с учетом его собственного покаяния («даде свое рукописание, хулы свои преждния отрицающее») ждало наказание: принятие в лоно православия как кающегося еретика («имеем Сенку Медведева яко оглашеннаго») и поселение в отдаленном монастыре «под крепким началом… в молитвах и постех, в смирении и труде, яковых можно пребывати». Похожая судьба ждала и всех его последователей («сему же разрешению и благословению судихом бытии и на прочих сомудрствующих Сенки Медведеву»), при условии, что нарушение данной собору клятвы («аще же паки по покаянии во отступничестве обличатся») будет караться смертью («таковые лжеклятвенники телесной казни предавати») [13. С. 337–339, 341].

Умиротворение церкви, без сомнения, являлось главной задачей, которую ставил перед собой Иоаким, возглавляя грекофильское течение в борьбе против латинствующих. В этом отношении действительно не были принципиально важны идейные и богословские аспекты полемики, неразборчивость в которых, по словам А.П. Богданова, позволяет именовать грекофилов «мудроборцами», т.е. борцами с мудростью, правдой, которую отстаивал Медведев [5. С. 215–216]. При всей сложности поиска правильной позиции в богословской составляющей спора, несомненно, что в политическом отношении «правота» была на стороне церковных властей и лично патриарха Иоакима, единственным путем которого был непримиримый и жесткий нажим на латинствующих с целью приведения их к единому мнению «с нами, и селенскими патриархи, и со всею восточною церквию».

Разгром «хлебопоклонной ереси» связывался для московского патриарха, прежде всего, с возвращением «заблудшей» паствы к покорности архиерейской власти, восстановлением единства церкви, нарушенного в результате «изветов и мятежей», «прелщения» простых людей от лжепророков-латинствующих, внесших ересь и смуту в «благочестивое царство Московское». В этом отношении, для Иоакима не существовало культурных или богословских нюансов – содержательная сторона спора о пресуществлении не вызывала у патриарха большого интереса и не служила для него весомым аргументом вмешаться в полемику даже на близкой по духу на стороне грекофилов. Согласимся с замечанием современного исследователя И.Л. Курукиной, полагающей, что патриарх не ставил вопрос о том, что выше и главнее – «священство» или «царство», однако не терпел никаких посягательств на свой авторитет архипастыря [14. С. 68–69]. Подобная характеристика позиции московского патриарха по отношению к духовному инакомыслию, на наш взгляд, весьма точно характеризует политическое по-преимуществу направление его активности в деле борьбы с «латинством», определившее, в итоге, видимую слабость идейной составляющей позиции грекофильской партии по отношению к осуждаемой ею «хлебопоклонной ереси», но проявившей при этом заметную решимость в расправе над лидерами латинствующей партии.

Таким образом, некоторые аспекты хода греколатинской полемики свидетельствуют в пользу значимости влияния на нее политических факторов, в частности идеи подчинения вышестоящему духовному или светскому авторитету, которая, как показывают итоги противоборства грекофилов и латинствующих, была одним из ключевых аспектов, характеризовавших особенности политических взаимоотношений власти и подданных в русской придворной среде последней четверти XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Курукина И.Л.* «Остен» и «Щит веры» – памятники антилатинской полемики конца XVII в. // Чтения по истории русской культуры. М., 2000.

2. Письма Сильвестра Медведева / сообщения С.И. Брайловского. СПб., 1901.

3. *Сильвестр Медведев.* «Вирша в Великую субботу»// Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1994. Кн. 3.

4.Богданов А.П. Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. №2.

5. *Богданов А.П.* Русские патриархи. М., 1998. Т. 2.

6. *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896.

7. Сильвестра Медведева «Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем» / предисл. С.А. Белокуров. М., 1886.

8. *Остен.* Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865.

9. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. СПб., 2004.

10. *Выдержки* из розыскного дела о Ф.Л. Шакловитом // Аристов Н. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871.

11. *Нечаев В.В.* Малорусско-польское слияние в Москве и Русская школа XVII века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. М., 1991. Т. 2.

12. *Миркович Г.О.* О времени пресуществления святых даров. Вильно, 1886.

13. *Соборное* постановление о разрешении от церковного отлучения Симеона Медведева // Акты Исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. V. СПб., 1842. №194.

14. *Курукина И.Л.* Дискуссия грекофилов и латинствующих конца XVII в. // «Филевские чтения»: материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII – начала XVIII вв. 8–11 июля 1993 г. М., 1994. Вып. 6.